теграции с программными продуктами МФЦ, порталами государственных и муниципальных услуг.

Программное обеспечение «Информационной системы мониторинга деятельности многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг» (далее «ИС «Мониторинг») должно быть предназначено для решения следующих задач:

– формирование, ведение, обновление, использование единой базы данных по мероприятиям мониторинга;

– регламентированное взаимодействие участников проведения мероприятий мониторинга;

– визуализация исходных, отчетных, результирующих материалов мероприятий мониторинга;

– справочно-консультационная помощь участникам реализации мероприятий мониторинга, а также заявителям государственных услуг;

– разграниченный защищенный доступ к материалам системы мониторинга.

Программный продукт должен обеспечивать выполнение следующих функций:

– авторизация пользователей;

– отображение и редактирование информации, хранящейся в единой базе данных по мероприятиям мониторинга;

– отображение перечня таблиц базы данных с возможностью просмотра хранящейся в них информации и перехода от одной таблицы к другой по гиперссылкам (в соответствии с логическими связями между ними);

– формирование и отображение аналитических сводок по результатам мониторинга на основе информации, хранящейся в единой базе данных;

– управление правами доступа к материалам системы мониторинга, как для отдельных пользователей, так и для групп пользователей;

– регистрация экспертов, не являющихся зарегистрированными пользователями ИС мониторинга.

Информационная система должна функционировать в формате web-сервисов с возможностью создания базы данных на свободном программном обеспечении.

База данных ИС «Мониторинг» должна содержать:

1. Материалы проведенного мониторинга с разбивкой по видам и объектам мониторинга с возможностью организовать поисковый запрос.

2. Примеры программ проведения мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг как на базе МФЦ, так и в органах исполнительной власти и местного самоуправления.

3. Справочники и классификаторы органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

4. Существующие методики проведения мониторинга с подробным их описанием и оценкой преимуществ и недостатков.

5. Подсистему обработки первичной информации (материалы опросов, статистические сведения) и перевода ее в таблицы и диаграммы.

6. Подсистему защиты информации, соответствующую требованиям законодательства.

УДК 321:316.3

Швец Л.Г.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОТ АСИММЕТРИИ К АУТЕНТИЧНОСТИ

Автор исходит из категорий «доминирования» и «влияния» как базовых характеристик «власти». С этих позиций выводятся фундаментальные гендерные атрибуции во властеотношениях: «женская власть» тяготеет к влиянию, «мужская власть» – к доминированию. Автор размышляет об оптимальном сочетании доминирования и влияния в современной власти, которое достигается в том числе посредством гендерного аспекта кадровой политики.

The author concludes from categories "domination" and "influence" as basic chategories of "power". From this position fundamental gender attributes in power relations are singled out: "female power" gravitates to influence, "male power" – to domineering. The author meditates on the optimal combination of domineering and influence in modern power, which is achieved among other means by the gender aspect of staff policy.

Ключевые слова: *власть, доминирование, влияние, гендерный подход, феминизм в политологии.*

Key words: *power, domineering, influence, gender approach, feminism in politology.*

Анализ современных политологических исследований по гендерной тематике позволяет констатировать концентрацию их внимания на нескольких стержневых сюжетах: «дискриминационном дискурсе», констатирующем гендерную асимметрию в политических отношениях; реконструкции системы воспроизводства гендерного неравенства; изучении детерминант, обусловливающих специфику «женского опыта» и «женского поведения» в политических отношениях и процессах [1, с. 23-26; 2, с. 6-10].

Хотелось бы подчеркнуть значимость еще одного подхода: разработку в сторону большей дифференциации и конкретизации категориального аппарата политической науки, что позволяет выявить и описать более глубинные нюансы политических отношений и их эволюции и вместе с тем более адекватно реконструировать в том числе причины воспроизводства гендерной асимметрии в политике и динамику ее изменений. Значимость такого подхода хорошо просматривается на примере анализа категории «власть».

Целостный анализ системы властвования позволяет подчеркнуть органическую взаимосвязь в ней доминирования и влияния, которая со временем смещается в сторону преобладания механизмов влияния. Предпримем более детальный анализ проявлений доминирования и влияния и особенностей их взаимодействия.

На формирование представлений о властном доминировании в последние годы существенно повлияли исследования в области этологии и социальной этологии, а также данные гендерных исследований, представивших картину доминирования, расходящуюся с традиционным «маскулоцентризмом», выступающим основной базой для обобщений в этой области. Этологические исследования позволили установить, что доминирование в животных сообществах может рассматриваться в качестве провластных отношений, на базе которых в последующем формируются более сложные формы социального доминирования, базирующиеся на преемственных социально-биологических программах социальной самоорганизации.

В животных сообществах выделяются три главных признака доминирования при построении иерархических взаимоотношений: а) доминирование основано на агрессивных взаимодействиях; б) взаимодействие должно быть асимметрично; в) доминирование устанавливается, когда асимметрия стала стабильной [3, с. 109]. В то же время показано, что агрессия – не причина возникающей асимметрии, а одна из форм ее установления. И, как подчеркивают исследователи, «основное значение социального доминирования, благодаря которому этот феномен закрепился в ходе эволюции и получил столь широкое распространение, заключается не в том, что он регулирует распределение прав на ресурсы (это лишь частный феномен доминирования, возможно, имеющий гораздо меньшее значение, чем ему придается). Основная функция социального доминирования – это защита от социальной стимуляции со стороны партнеров, формирование из взаимного социального возбуждения устойчивой и жизнеспособной поведенческой формы» [3, с. 130]. Как видим, в действие вступают механизмы индивидуального обособления и индивидуальной суверенизации, которые имеют более общую значимость.

Что касается гендерных исследований, то сторонники феминистского направления уже давно сошлись во мнении о том, что во всех теориях справедливости, власти, обязанностей и т.п отражается маскулинный опыт, а потому эти теории следует пересмотреть с учетом жизненного опыта другой половины человечества [4, с. 463-464].

Последующие исследования в этой области позволили выделить на индивидуальном уровне четыре типа доминантности: агрессивную, эгоистическую (в собственных целях), макиавеллистскую (манипулятивную) и социальную (выражающую ответственность) [5, с. 224]. Э. Маккоби и К. Жаклин ввели понятие контрдоминантности, под которым понимается нежелание индивида быть управляемым, и считают, что, к примеру, девочкам свойственно именно такое поведение – они не доминируют над мальчиками, но и не подчиняются им. «В целом же исследования доминантности снова выявили удивительное сочетание наличия и отсутствия различий между полами: нет больших различий по доминантности, но нет и сходства, а есть своеобразие полов в проявлении различных форм этой доминантности» [5, с. 229].

В современной политической лексике аспект властного доминирования в функционировании власти чаще всего обозначается термином «властная вертикаль». В понятийном ключе в «доминиро-

вании» отражается прежде всего момент обладания властью, с ним связаны такие проявления власти, как подчинение (господство), контроль, санкции и право на их применение. Для доминирования характерно стремление к четкой институционализации и регламентации «права на власть», монопольному закреплению доминантного положения.

Аспект властного влияния в политической лексике зачастую обозначается термином «властная горизонталь». В понятийном ключе во «влиянии» отражается прежде всего момент оптимального распределения и использования ресурсов, культурно-символического и психологического воздействия, регулирования отношений и поведения с взаимодействующей стороной в русле собственных целей и ценностей. Для влияния не требуется обязательной институционализации и регламентации и характерно стремление не к монопольному, а состязательно-игровому контексту отношений.

Механизм политического властного доминирования заключается в возможности каждого его звена заставить нижестоящее звено выполнить определенные решения. При этом особую значимость имеет поддержание способности всех уровней вышеназванного механизма (государственного механизма) вырабатывать оптимальные решения в рамках осуществляемого руководством государства стратегического курса. Если политическая власть – это источник стабильности или перемен, то механизм доминирования – это механизм ее удержания и воспроизводства властного положения.

Механизм политического влияния – это волевое общественное отношение, которое выражается в способности субъекта оказывать давление на объект с целью достижения определенного результата посредством авторитета, угрозы, подкупа и других средств преимущественно манипулятивного воздействия. Существенное различие в природе доминирования и влияния, обусловленное организационными ресурсами и функциональными средствами осуществления, заключается в том, что первое различается в парадигме «цель – средство», а второе – в парадигме «намерение – результат», относительно которых и оценивается их эффективность.

Типологическая модель политического влияния включает следующие аспекты типологизации:

– в соответствии с избираемыми путями реализации: «открытое – закрытое», «прямое – опосредованное», «традиционное – модернизационное»;

– в соответствии с используемыми средствами реализации: ментальное, силовое, теневое;

– в соответствии с применяемыми методами и технологиями: вербальное, психоэмоциональное, суггестивное, социально-ролевое.

Анализ властеотношений в гендерном измерении обращает прежде всего внимание на категорию «влияние». Даже не решив в должной мере проблему гендерной асимметрии во власти, именно женщины, находясь под доминантным воздействием мужчин, широко опирались на технологии влияния и в той или иной степени уравновешивали, а то и парировали доминантное начало. Известный философ XX в. Б. Рассел в своей широко известной книге «Власть» писал: «В любой большой организации, где лидер обладает значительной властью, находятся менее заметные люди (мужчины и женщины), которые имеют силу влияния на лидеров посредством личных методов» [6, с. 283].

По мнению некоторых авторов, влияние включает самый широкий спектр воздействий: различные формы убеждения, давления, принуждения и т.д. Поэтому отношения влияния нередко отождествляются с властеотношениями в целом, что в совмещенном виде выглядит следующим образом: актор (субъект влияния) ➔ адресат (субъект власти и объект влияния одновременно) ➔ объект власти. Иначе говоря, актор добивается нужного воздействия на объект власти посредством субъекта власти.

Достаточно распространено, например, такое определение: «Процесс социального влияния предполагает такое поведение одного человека, которое имеет своим следствием – или целью – изменение того, как другой человек ведет себя, что он чувствует или думает по отношению к некоему стимулу. В качестве стимула может выступать любая социально-значимая проблема…, продукт…, действие» [7, с. 16]. К этому определению стоило бы добавить, что, как правило, влияние не опирается на доминирующее, высокостатусное положение либо же не использует имеющийся у доминанта инструментарий прямого воздействия.

Здесь подчеркнем как сторону органичного вхождения влияния в систему власти, так и элемент различия, возможности существования влияния «в чистом виде». Отметим два случая. Первый – в связи с развитием, эволюцией самой власти (и прежде всего политической власти), а также и в связи с развитием способов, технологий воздействия горизонтального типа – либо там, где не сформированы властные отношения, либо там, где воздействие необходимо оказывать и на саму власть, и помимо нее.

Короче говоря, анализ эволюции политической власти с точки зрения ее «матричных компонент» [8, с. 52-55] показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту – к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где начинается действие более антропологически адекватных параметров женской природы и женского опыта. Следует в полной мере использовать данную тенденцию как в аспекте политической социализации женщин, так и политической институализации с прицелом на использование возможностей политического участия и политического представительства женщин в органах власти (конструирование и развитие новых политических институтов).

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния.

Проанализируем далее, насколько представленные выше доктринальные аспекты гендерной асимметрии во властных отношениях подтверждены в оценках современных политических элит и на субэлитном уровне.

Рассмотрение тенденций развития систем государственной и муниципальной власти в современной России показывает постепенное изменение модели их функционирования: от абсолютного доминирования – к влиянию; от административно-политического стиля – к государственному и муниципальному менеджменту (оказание государственных и муниципальных услуг). Переориентация на сервисную парадигму требует существенных изменений не только в стилевом, но и в кадровом, в структурно-субъектном аспектах основных субъектов власти и управления. Здесь следует обозначить важность проблемы полисубъектности в управлении и полисубъектной представленности во власти. Последнее означает пропорциональность либо значимость учета и представленности в системе власти и управления таких основных аспектов, как: гендерный, ювенальный, геронтологический, этнический.

Практика показывает, что даже при различных показателях эффективности деятельности той или иной части субъекта управления различные крупные группы населения отдают предпочтение в системе управленческих коммуникаций «своим» представителям. Правда, сразу следует оговориться, что это происходит в рамках сервисной модели власти и управления.

Поэтому выделение гендерного аспекта в муниципальном управлении и местном самоуправлении весьма значимо. Естественно, что даже в гендерном отношении речь нужно вести о подборе кадров, имеющих примерно одинаковые или сопоставимые характеристики профессиональной подготовленности и управленческой культуры.

Но даже при таких условиях мы будем наблюдать стилевые различия, иногда весьма существенные, в деятельности. В частности, это отмечается в весьма репрезентативных зарубежных [1, с. 877-962] и отечественных [9, с. 477-496] исследованиях: «Метаанализ 96 полевых и лабораторных исследований лидерской эффективности позволяет сделать вывод, что мужчины и женщины признаются одинаково эффективными. Однако в тех случаях, когда речь шла о работах, предъявлявших специфические требования к способностям, рейтинги полов были разными. Например, в ситуациях, требовавших умения сотрудничать и договориться со многими людьми, женщин оценивали как более эффективных лидеров. Мужчин оценивали выше в ситуациях, требующих направлять и контролировать подчиненных» [10, с. 268].

Как раз с ситуациями, требующими «умения сотрудничать и договориться со многими людьми», мы чаще всего сталкиваемся в рамках сервисной модели государственного и муниципального управления и, прежде всего, на муниципальном уровне.

Анализ кадровой ситуации в органах власти и управления, на первый взгляд, показывает, что ситуация здесь вполне адекватная современным требованиям.

Например, среди гражданских служащих Ростовской области на 1.10.2009 г. женщины составляли около 59 %. Причем за последние два года эта доля возросла на 4,5 %. Что касается муниципальных служащих, то здесь доля (оценочно) женщин в Ростовской области в настоящее время составляет около 76 %. Однако в составе руководящих органов эти пропорции противоположны. Поэтому ведущая стилевая доминанта в управлении и на региональном, и на муниципальном уровнях пока носит по-преимуществу «маскулинный» характер и имеющиеся управленческие лакуны, востребующие по-преимуществу «феминный» почерк, пока не заполнены.

«Маскулинные проявления» при гендерном анализе удается зафиксировать и маркировать и на оценочном уровне. Это показали данные исследования (СКАГС), проведенного в сентябре – октябре

2009 г. в рамках социологического проекта «Политические элиты и резерв управленческих кадров».

Анализ данных опроса свыше 500 экспертов из 13 регионов ЮФО, распределенных по гендерному принципу, позволил выявить наиболее чувствительные точки и обозначить гендерную асимметрию. Наиболее явно она просматривается при ответах на следующие вопросы:

1. Как часто, на Ваш взгляд, жители ЮФО сталкиваются с фактами дискриминации?

по полу: иногда и часто – опрошенные мужчины – 33,8 %, женщины – 46,2 %.

Женщины отмечают эту позицию на 1/3 чаще мужчин.

по семейному положению: иногда и часто – мужчины – 18,2 %, женщины – 37,6 %. Различие – более чем вдвое.

2. Как Вы считаете, присуща ли региональной элите политическая ответственность?

«Да», либо «частично»: мужчины – 70,1 %, женщины – 53,9 %.

Различие между позициями – более чем на 1/3.

3. С чего началась Ваша трудовая деятельность?

Работник производственной сферы: мужчины – 38,7 %, женщины – 17,1 %.

Служащий госучреждения: мужчины – 30,5 %, женщины – 43 %.

Сотрудник учебно-научного заведения: мужчины – 9,8 %, женщины – 16,8 %.

Асимметрия в области начала карьеры также очевидна.

Что касается оценочных проявлений и предпочтений в гендерном факторе, то объективное состояние в рамках данной позиции и на федеральном, и на региональном уровне примерно одинаково асимметрично.

Число женщин на высших должностях в системе федеральных и региональных органов государственной власти Российской Федерации не соответствует их роли в обществе, хотя участие женщин в принятии ответственных решений способствовало бы повышению их качества и эффективности исполнения. Президентом РФ по этому поводу в 1996 г. был принят специальный указ, который практически так и не реализован [11].

В составе членов Правительства Российской Федерации в настоящее время – 3 женщин (около 10 %). В системе государственной службы женщины заняты в основном на должностях, слабо влияющих на принятие ответственных решений: среди государственных служащих федерального уровня они составляют 56 %, но руководящие должности занимают только 9 %, из которых на «высших» должностях – лишь 1,3 %. В органах судебной власти на федеральном уровне – в аппаратах Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов РФ около 72 % всех служащих – женщины, но руководящие функции из них выполняют только 14 % из них [12, с. 15].

Вместе с тем процессы демократизации, с одной стороны, и поиски эффективных форм политического управления в состоянии, на наш взгляд, переломить ситуацию.

Прежде всего, об эволюции самой власти. Пока не будем ограничивать анализ эволюции власти только политической сферой. Хотя именно в политической сфере уже давно обозначено эволюционное движение, связанное с дифференциацией и взаимным уравновешиванием и взаимным контролем, которое именуется разделением властей или разделением ветвей политической власти.

На этом пути не только выстроены различные модели балансирования и специализации канонических ветвей политической власти, но и вполне четко проявились области взаимного влияния одной ветви власти на другую, поскольку субординационный порядок в таком взаимодействии либо исключен (паритет властей), либо ограничен.

В то же время хотелось бы провести аналогию в другом измерении эволюции власти. Широко известно, что в 30-е гг. XX в. в сфере развития экономической власти четко обозначилась тенденция разделения на власть – собственность и власть – управление, которая впоследствии получила название «революции менеджеров».

Данная тенденция впоследствии обозначилась и в сфере политической власти, где ориентация на общесоциальные интересы и стандарты в «обществе массового потребления» не только потребовала существенного усиления функций государственного управления, но и впоследствии привела к концепциям и практике «государственного менеджмента». Такой важнейший компонент политической власти, как управление, вычленился и в какой-то мере обособился из слитного, спаянного с другими компонентами власти состояния.

Аналогичные процессы обозначились применительно к влиянию вообще и политическому влиянию в структуре политической власти в частности.

На наш взгляд, следует констатировать многомерный процесс эволюционирования влияния в контексте власти, приводящий в итоге к его выч-

ленению и относительному обособлению. Процесс этот идет в следующих направлениях: а) от нацеленности на воздействие по-преимуществу низкоуровневых сфер мотивации человека (по А. Маслоу) – к воздействию на культурное и духовное ядро личности и социальной группы; б) от воздействий манипулятивного характера – к партнерскому; в) от воздействий, сплавленных с другими структурными компонентами, включенных в общий контекст властного воздействия, – к специализированным, опирающимся на специальные методы и технологии влияния.

Обозначенные тенденции нашли свое отражение не только в новых доктринах, впоследствии произошло «оборачивание» этих доктрин на политическую (и не только политическую) практику.

В связи со сказанным следует отметить следующее. Анализ эволюции политической власти с точки зрения ее основных компонент показывает все усиливающееся ее смещение с опоры на доминантную компоненту к опоре на компоненту влияния. Это в перспективе означает вступление на почву, где вступают в действие более антропологически адекватные параметры женской природы и женского опыта. Наиболее явно данные тенденции проявляются как раз на уровне местного самоуправления и муниципального управления.

Следует полнее использовать данную тенденцию как в аспекте политической социализации женщин, так и политической институализации с прицелом на использование возможностей политического участия и политического представительства женщин в органах власти (конструирование и развитие новых политических институтов).

Традиционная гендерная асимметрия в рамках сложившихся политических институтов и отношений может быть дополнена иной (функциональной) асимметрией, где преобладают методы и технологии политического влияния. И тем самым можно активизировать процессы форматирования аутентичных в гендерном отношении форм властных и иных политических отношений (участие, представительство, самореализация).

Партнерство женщин и мужчин в политике является источником более полной и представительной демократии, создания реальных возможностей учета многополюсных интересов в обществе.

Мировой опыт парламентаризма показывает: если в законодательном органе 10 % мест занимают женщины, это облегчает принятие законов в защиту детей. Если 20 – 30 % мест заняты женщинами, то все программы, отражающие интересы всего женского населения, реализуются намного быстрее и эффективнее. Не случайно ООН во всех документах придерживается строгого принципа – без участия и наделения властными полномочиями женщин не могут быть найдены надежные решения в обществе, которому угрожают социальные, экономические или иные проблемы.

Хотелось бы, чтобы мировой и отечественный опыт совершенствования кадровых, управленческостилевых и иных компонентов, способствующих демократизации общества и управленческой практики, был бы востребован прежде всего на муниципальном уровне.

Литература

1. Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004.

2. *Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия политики: неинституциальные и институциальные аспекты: Автореф. дисс. … докт.полит.наук. Саратов, 2008.

3. *Гольцман М.Е.* Социальное доминирование и социальная стимуляция: частные проблемы и общие принципы // Системные принципы и этологические подходы в изучении популяций. Пущино, 1984.

4. Политическая наука: новые направления. М., 1999.

5. *Бендас Т.В.* Гендерная психология. СПб., 2008.

6. *Russel B.* Power. A New Social Analisis. N.-Y, 1938.

7. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2001.

8. *Швец Л.Г.* Власть и управление: инновационный контекст. Ростов-на-Дону, 2011.

9. *Ильин Е.П.* Пол и гендер. СПб., 2010.

10. *Шульц Д., Шульц С.* Психология и работа. СПб., 2003.

11. Указ Президента РФ от 30.06.1996 г. «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ».

12. О некоторых проблемах методологии гендерной экспертизы законодательства. М., 2002.